

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Коллекционер женщин

«Научная книга»

Серова М. С.

Коллекционер женщин / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

С азартом берется частный детектив Татьяна Иванова вести дневник очередного расследуемого дела. По часам и минутам фиксирует она в тетради все происходящее – встречи с подозреваемыми, работниками милиции, случайными свидетелями загадочного убийства. В собственной квартире убит отец двух малолетних девчушек. Кто-то ударил его по голове старинным чугунным канделябром, который с незапамятных времен стоял в прихожей и достался этой семье в наследство от прабабки. Подозреваемых много, но неопровержимые факты и четкая логика Татьяны отметают их одного за другим. И вот остается один. Но не по ложному ли следу пошла Татьяна на этот раз? Ведь от ошибок не застрахован никто, даже самый лучший сыщик...

Содержание

* * *	5
13 апреля, 19 часов 10 минут	6
19 часов 12 минут	7
14 апреля, 11 часов	9
15 часов	11
16 часов 50 минут	14
15 апреля, 9 часов	16
9 часов 30 минут	17
10 часов 30 минут	18
11 часов 52 минуты	22
12 часов 25 минут	23
12 часов 45 минут	24
15 часов 18 минут	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Коллекционер женщин

* * *

Не знаю, хорошо это или плохо, но решила я как-то сдуру попробовать вести дневник и взялась за это с тем азартом, с которым, впрочем, берусь за любое дело. А вот что из этого получилось – и получилось ли вообще, – судить, читатель, тебе.

13 апреля, 19 часов 10 минут

Согласитесь, подглядывать за соседями – очень увлекательное занятие. Хвала тебе, о создатель дверных «глазков», о мудрейший из мудрейших! Благодаря твоему изобретению, оставаясь незамеченной, можно увидеть много интересных вещей.

Например, как молодая голубоглазая шатенка из квартиры напротив, всегда дорого и со вкусом одетая, походкой манекенщицы выходит из лифта и направляется к своей двери.

«Ага, ключ в замке не поворачивается – замок-то у них английский, открыть ничего не стоит; там, правда, еще штучка какая-то, но ее при желании, ежели кто влезть захочет, сломать можно, – так вот, не поворачивается ключ: видно, муж дома.

У них пару часов назад опять был скандал. Маргарита – баба ревнивая, даром что модно одевается; она вылетела из квартиры как ошпаренная, дверью хлопнула – и вниз по ступенькам, не дожидаясь лифта. Я, правда, этого не видела, но слышать – все слышала.

А сейчас вон как вышагивает: остыла, успокоилась, прощения просить будет...»

Женщина быстро справилась с непослушным замком и вошла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Соседка, вздохнув, прервала любимое занятие.

19 часов 12 минут

– Витя! Виктор! Ты дома?

Женщина сбросила туфли, тут же – у двери – оставила сумочку.

– Ну перестань, я же знаю, ты дома. Что, в молчанку играть собрался?..

Она застыла на пороге комнаты: муж страшно, неподвижно лежал на полу; голова – в луже крови... Ей показалось: крови так много... весь пол залит... и стены, предметы мебели – все быстрее, быстрее, быстрее – закружились в странном хороводе...

Женщина не слышала собственного крика; не помнила, как выбежала на лестничную площадку.

...Теперь вокруг были лица – знакомые и чужие – участливые, любопытные, испуганные... Но перед глазами стояло одно – мертвая голова и алая, липкая кровь...

Женщина забилась в истерику.

Кто-то побежал за водой, кто-то догадался вызвать милицию.

Люди в форме с погонями и в штатском приехали неожиданно быстро. И так же быстро установили относительную тишину.

– Товарищи, товарищи, попрошу не толпиться! Всем разойтись! Что вам здесь – представление? Кто хозяин квартиры?

– Хозяйка... вот она... не в себе она...

– Вы хозяйка? Ваше имя, гражданочка?

– Я знаю, я тут в соседней квартире живу. Соседка я, Настасья Игнатьевна, а это Маргарита, жена убитого. Надо же – страсти-то какие! Всего пару часов назад мужик живой был: ругались они. Как поругались, она и убежала. Что ж это выходит – она пришибла его и потом сбежала? А сейчас – вроде как ни при чем? Ой, батюшки!

– Вы видели, как гражданочка...

– Баргомистрова она, Маргарита.

– Как гражданочка Баргомистрова...

– Да не «Бур», а «Бар» она!

– Не перебивай ты, Настасья! Не видишь – люди на работе, им дело знать надо, суть самую.

– Вы видели, как гражданочка Баргомистрова выбежала из квартиры после ссоры с мужем?

– Нет, видеть не видала, но слыхала – все. И как ругались слыхала: «Не любишь ты меня!» – кричит и как дверь своей хлопнет!

– А вы тоже сосед?

– Да, я муж Настасьи, Никанор Иванович. Только я не видел ничего. И не слышал. Я телевизор смотрел, там ерунда какая-то шла. А Настасье вечно больше других надо, сует свой нос...

– На каком же основании вы утверждаете, что именно гражданка Баргомистрова...

– ...Как ты говоришь? Баргомистрова Маргарита Вадимовна? Так и запишем...

– ...по вашему выражению, «пришибла» своего мужа?

– Дак кому ж еще-то? Парень он тихий, мирный...

– Не болтай чего не следует, Настасья!

– ...Вот так и выходит: жил-жил человек...

– Да, смерть-то она, матушка...

– Страшная смерть.

– Разойдитесь, граждане, разойдитесь!

– ...не трогал никого; с женой вот только ругался... но и ее ни разу пальцем не тронул: я бы услышала. Дочки у них, близняшки...

– В котором часу произошла ссора?

– А что здесь случилось?

– Да мужика зарезали.

– Не... стулом прибили. На спине еще ссадина осталась.

– А вы видали?

– Говорят...

– Мало ли, что люди скажут. Народ – он ведь какой – только бы языки почесать.

– И не зарезали, и не стулом – пристрелили товарища. Как собаку.

– За что?

– В нашей стране ни за что не убивают – не Америке вашей чета.

– Ну, у нас в стране, знаете ли...

– ...Да, дочки у них... У деда с бабкой гостят. Сама мне говорила: отвезла, говорит. Я спрашиваю: мол, что девчонок-то не видать? Они бегали тут все. К родителям, говорит, отвезла...

– «Говорят»... Мало ли, чего тебе наплетут... А ты и веришь всему... Ишь, верующий какой.

– Нет, он и мухи не обидит. Щедрый был, в долг часто давал. Сосед вот, Голубков, и по сей день ему много должен.

– Сосед, говорите? Витя, позвони соседу.

– Да он спит небось. Разве добудишься? Напился и спит...

...Шум, шум, шум... И кровь. Родное мертвое лицо... И эти – живые... чужие... страшные... Говорят – о чем можно говорить?.. Поздно уже говорить: он ничего не услышит... Витя... Витя!

– Витя-а!

– Тихо, тихо. Не надо, миленькая.

– Пустите меня, пустите!.. Витя!.. Кто вы такие все здесь?.. Витя!..

– Вы, товарищ милиционер, не трогайте ее сейчас. Видите: не в себе бабенка, умом тронулась.

– Попрошу без разговоров.

– Отцу ее позвонили. Большая вроде шишка – отец-то...

...Забьтсья, забьтсья... Лица не видеть...

– Рита, дочка!

– Папа? Вити нет, папа... папа...

...Взволнованный голос отца утонул в море других голосов.

Маргарита потеряла сознание.

14 апреля, 11 часов

«Вчера в 17 часов...»

В семнадцать. То есть – середь бела дня. Интересно.

«...в своей квартире был убит родственник известного бизнесмена (фамилию бизнесмена из этических соображений мы опускаем). Ведется следствие. Подробности дела мы сообщим нашим читателям в ближайших номерах газеты».

Краткость – сестра таланта. Читатели, несомненно, будут удовлетворены столь обширной информацией. Так, что там дальше?

«На улице Ст. Разина автомобиль, ехавший со скоростью...»

Узнать, какая скорость была у автомобиля, ехавшего по улице Степана Разина, мне помешал телефонный звонок.

– Алло?

– Здравствуйте! – решительно произнес бархатный баритон. – Могу я побеседовать с Татьяной Александровной?

– Безусловно, – голос не был мне знаком. Вероятно, очередной клиент.

Обладатель бархатного баритона озадаченно помолчал, затем спросил:

– Вы – Татьяна Александровна?

– Да, я – Татьяна Александровна Иванова. Чем могу быть полезна?

– Гм... мне рекомендовал вас Анатолий Маркович Рабинович, вы, наверное, помните его?

Естественно, помню – крупный оптовый торговец. Не первый раз он «подбрасывает» мне клиентов, за что ему огромная правительственная благодарность. Имя Рабиновича уже стало своеобразной гарантией финансового благополучия обращающихся ко мне за помощью: можно быть уверенной, что непременно получу приличный гонорар.

– Конечно, помню. Так чем я могу вам помочь?

– Видите ли, в моей семье случилось несчастье...

Ну разумеется. От большого счастья ко мне еще ни один не обращался.

– ...убили моего зятя, мужа старшей дочери... Простите, я не представился: моя фамилия Королев, – слышали, вероятно? – Королев Вадим Сергеевич.

Как же, как же, слышали! Похоже, тот самый «известный бизнесмен», чью фамилию «из этических соображений» газетчики решили не упоминать.

– Мне бы хотелось встретиться с вами. Под подозрением находится моя дочь. Она в глубоком трансе после случившегося. Но совершенно не виновата, ни в чем не виновата! Ее вообще в это время дома не было! Пожалуйста, возьмитесь за это дело. Я заплачу хорошие деньги. Моя дочь в горе и глубоко несчастна. Найдите убийцу – настоящего убийцу, понимаете? Сами знаете, на милицию в наше время полагаться нельзя...

Интересно, если дочь Королева узнает, кто именно убил ее муженька, она будет от этого счастливее?

– ...а вас мне рекомендовали как человека исключительно порядочного и справляющегося с любым делом, даже самым запутанным.

«Известный бизнесмен» замолчал. Наконец-то мне позволили вставить словечко в этот «односторонний» монолог.

– Подождите, ведь я еще не согласилась...

– Я заплачу, – перебил Королев. Определенно, он привык слушать только себя. – Я же говорил вам, заплачу хорошие деньги! Мою дочь необходимо спасти.

У меня принцип: не рубить с плеча. Хотя история эта мне почему-то не понравилась сразу. Какое-то неприятное ощущение возникало при мысли об этом деле.

– Я перезвоню, с вашего разрешения. Мне нужно подумать.

– Да, конечно, конечно! Но согласитесь, пожалуйста! Дайте мне надежду! И запишите мой телефон. Пожалуйста!

Королев продиктовал номер. Записывать я ничего не стала, да с моей феноменальной памятью это и необязательно. Мы договорились, что я позвоню ему во второй половине дня.

Дело запутанное, это ясно. «Известному бизнесмену», естественно, хочется выгородить доченьку. И он надеется, что у меня это получится.

Разумеется, получится, если она не виновата. А шут ее знает – может, она и вправду не виновата? Интересно, у нее хоть алиби-то приличное есть? Потому что только из-за восстановления справедливости ввязываться в эту историю вряд ли стоит. Так подсказывал мне «здравый смысл» (и «твердая память»). Но деньги бы сейчас очень не помешали.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором тотчас возникли аккуратные пачки зелененьких бумажечек... Зеленое наваждение, честно признаться, и ввело в искушение мою грешную душу.

Пожалуй, стоит согласиться.

А что нам «скажут» на сей раз возлюбленные мои кости? В самом деле, как это я забыла про гадание? Разве можно в столь важном вопросе полагаться только на собственное мнение? Ай-ай-ай, какое упущение с вашей стороны, многоуважаемая Татьяна Александровна!

13 + 30 + 2.

«Это сочетание означает разоблачение чьих-то неблагоприятных поступков. Никогда ни к чему и ни к кому не предъявляйте претензий – ни к прошлому, ни к людям, ни к богу, ни к судьбе».

Хорошо. Не станем предъявлять. Уговорили.

И все-таки – соглашусь.

15 часов

Узнав о моем решении, Королев, похоже, ничуть не удивился... Нет, не так: он словно бы иного и не ожидал – принял как должное. Я возмутилась, не вслух, конечно: какая, однако, самонадеянность!

Чуть было тут же не отказалась. Но гонорар и в самом деле оказался щедрым: вместо двухсот долларов в день – моего обычного тарифа – «богатенький Буратино» предложил триста пятьдесят. Плюс текущие расходы.

...Итак, мне предстояло найти убийцу королевского зятя.

– Вадим Сергеевич, мне бы хотелось, чтобы вы рассказали обо всем, о чем сочтете возможным: о семейной жизни вашей дочери, а также об увиденном на месте преступления.

Королев закрыл ладонью лицо.

– Это было ужасно... Мне позвонили, и я сразу приехал. Рита была не в себе, плакала... Она теперь все время плачет.

– Рита – ваша дочь?

– Да... Там было полно людей... знаете – соседи, зеваки – им все всегда интересно.

– Позвольте, на каком этаже жили ваша дочь с мужем?

– На шестом, в одиннадцатизэтажке...

Зеваки, как я понимаю, – конечно, лишь случайные прохожие. На шестом этаже оказалось много зевак? Один из них – или не один – мог и оказаться убийцей.

– ...я записал адрес дочери. Вот.

– Благодарю вас, – я положила бумажку в карман плаща.

– Была милиция, опрашивала всех. Но вы же знаете этих стариков – никто ничего не видел! Все трясется за свою шкуру. Милиция, конечно, никого не найдет.

– У вашего зятя были враги?

– Нет, не думаю. Виктор был человек мирный... – Королев помолчал. – Он работал шофером, неплохо зарабатывал, и мы с женой помогали. Денег у них было достаточно – в долги не влезали. Даже сам зять, случалось, одалживал.

– Кому?

– Да... разным... Чаще – соседу своему, алкашу. Тому вечно на пузырьрек не хватало.

Так, еще один подозреваемый.

– И помногу одалживал?

– Прилично, не скупился.

Последний долг сосед, похоже, не отдал. Но выводы делать еще рано.

– А между собой Рита с мужем жили дружно?

– По-разному. Иногда и ругались. Но они любят друг друга!.. Вернее, любили... – поправился Королев и снова ненадолго замолчал, потом добавил: – И в дочках-двойняшках Виктор души не чаял... Не могла Рита его убить, ну просто не могла! Ревнивая она, это да, но убить – никогда!

Он почти кричал; мы сидели на лавочке (весна – воздух – солнце; душные кафе меня не прельщали, и я предложила встретиться в Липках), прохожие стали оглядываться, и я тронула Королева за руку.

– Вадим Сергеевич!.. – Он немного пришел в себя, кивнул: «Спасибо».

– Знаете, там была кровь... Его ударили сзади, по голове... чем-то тяжелым... Татьяна Александровна! – Впервые за все время разговора он обратился ко мне по имени.

– Можно просто Таня, – вставила я.

Королев не обратил внимания.

– Я знаю – чем! – Осенило вдруг мужика! – Я думал вчера... Может быть, это что-то подскажет вам... Прояснит. Понимаете, *его* не оказалось на месте; сначала я и внимания не обратил: крики, шум, Рита в истерике, Виктор лежит в крови, стул опрокинут... А потом – уже дома – понял: чего-то не хватало! Татьяна Александровна, *его* не было на месте!

«Известный бизнесмен» оживился – и как-то даже стал симпатичнее: иссиня-черные с проседью волосы откинул назад, глаза блестят... Я даже залюбовалась этим пятидесятилетним мужчиной и не сразу сообразила: чего не было на месте? Он все говорит – его, его...

– Простите, Вадим Сергеевич, что именно должно было быть на месте?

– Канделябр – разве я не сказал? – чугунный канделябр, антикварная вещь; он достался Рите от прабабки со стороны матери. Моя дочь очень гордилась им, берегла; он всегда стоял на самом видном месте – на столе, чтобы каждый, кто войдет, мог обратить внимание... Так вот, канделябра не было! Может, убийца унес его с собой?

Это уже становилось интересным.

– Извините, а почему вы решили, что вашего зятя ударили именно канделябром? Вещь старинная, сами говорите, его могли просто прихватить с собой.

– Нет-нет, я уверен. Понимаете, он так лежал...

– Кто? Виктор?

– Да; когда его ударили, он должен был стоять спиной к столу. Больше за его спиной никаких тяжелых предметов не было.

Значит, королевского зятя убили антикварным канделябром. На сем старинном предмете наверняка должны были остаться отпечатки пальцев – зачем же светиться? Логично. Но в этом случае отпечатки пальцев должны остаться и еще где-нибудь: на мебели, на посуде... Надо позвонить Кире.

Киря – Владимир Сергеевич Кирсанов – мой старый институтский приятель, ныне подполковник милиции.

– ...позвонить Кире, – машинально повторила я вслух.

– Простите?

– Нет, это я так... Вот что, Вадим Сергеевич, мне нужно будет поговорить с вашей дочерью. Она в состоянии рассказать, что видела?

Король буркнул что-то невразумительное и пообещал ее уговорить – словно одолжение сделал.

Тут же появилось желание плюнуть на все... но зеленое наваждение одержало верх – и мы договорились встретиться у «известного бизнесмена» дома; завтра к полудню он пришлет за мной машину.

А сейчас надо немного пройтись и подумать.

Я достала из сумочки сигареты. Прикурила, затянулась. Хорошо!

Вычитала где-то – сия отравка, оказывается, стимулирует умственную деятельность. Может, кто и поспорит с этим утверждением, но что касается меня – согласна целиком и полностью. Отгородившись от мира сизым облаком, глядя на огонек «отравительницы», с головой уходишь в работу... И думается замечательно!

Окружающие, правда, иногда ропшут. Не нравится людям дымная завеса. Да что они понимают! Атмосферу, говорят, загрязняешь; природу, говорят, портишь... Ничего подобного! Природу «испортили» задолго до моего появления на свет божий. К тому же две трети человечества дымят как паровозы с незапамятных времен и от сей пагубной привычки избавляться не собираются. Полагаю, атмосфера не станет сильно возражать, если я примкну к «основному большинству».

К тому же наша светлость не просто «коптит небо», наша светлость приносит ощутимую пользу человечеству... в лице Вадима Сергеевича Королева и его семейства.

...Итак, что мы имеем на данный момент? А имеем мы по меньшей мере двух подозреваемых (возможно, в ходе следствия появятся еще) – жену убитого и соседа-алкоголика. У жены, пожалуй, больше шансов убить. И больше причин. Что же касается соседа... На моей практике еще ни один алкоголик-должник не тюкал своего благодетеля по голове старинным канделябром. Кто в следующий раз деньги одолжит? Не выгодно тюкать.

С Ритой мы побеседуем завтра, если она будет в состоянии со мной говорить, а вот соседа стоит побеспокоить прямо сейчас.

Я вынула из кармана бумажку с адресом, который записал для меня Королев. Так это, оказывается, недалеко, в центре.

Ну, вперед!

16 часов 50 минут

Соседа дома не оказалось. Охранявший квартиру убитого знакомый милиционер весьма любезно сообщил, что несчастный алкоголик арестован по подозрению в совершении преступления.

Ну и влип же мужик! – я имею в виду соседа. Теперь изволь еще и его невиновность доказывать... Отчего-то возникла уверенность, что к этому преступлению он не причастен. А кто знает, сколько уже наплел со страху в следственном изоляторе?..

Стоп. А почему, собственно, я должна доказывать невиновность этого человека? Кто он мне – кум, сват, брат? Или, может быть, за работу много платит? Я его не знаю, он меня не знает – ну и пусть себе сидит. И без него дел предостаточно.

Замечательно. Убедила себя, Танечка: забудем про соседа.

И все-таки – жалко мужика...

Ладно, если уж я оказалась здесь, не мешает самой осмотреть квартиру «безвинно убиенного».

Любезный страж, конечно же, не стал возражать против моего проникновения внутрь «запретной зоны», только на всякий случай осторожно посоветовал:

– Таня, ты руками ничего не трогай...

Я обещала.

...Все как будто бы ничего, но я почему-то ожидала худшего – каких-нибудь осколков, поломанной мебели. Драки тут явно не было. Мелом на пестром ковре обведено положение тела убитого. Со стороны головы – засохшие пятна крови. Удар, видимо, нанесен сзади, да и Королев утверждает то же самое. Причем ударили неожиданно.

Стул опрокинут, скорее всего, случайно: падая, Виктор по инерции пытался за что-нибудь ухватиться. Вот вроде бы и все.

– Слушай-ка, Дим, – так зовут охранника, – здесь снимали отпечатки пальцев... Ты случайно не знаешь результата?

– Не-а, мне не докладывают. Позвони руководству.

Неприменно позвоню. Я еще осчастливорю это руководство личным появлением в «ихних апартаментах».

А пока – что мы имеем?

Это явно не профессиональное убийство. Профессионал не тюкает жертву по голове старинными подсвечниками, и ему нет нужды избавляться от орудия убийства, которого, если орудием убийства действительно был канделябр, на месте не оказалось. К тому же профессионал, как правило, работает в перчатках; следовательно, отпечатков пальцев того человека в квартире тоже не окажется.

Логично.

Подозреваемых-«непрофессионалов» (так и хочется сказать «любителей») у нас на данный момент насчитывается двое: жена убитого и сосед одного, ныне «проживающий» за решеткой. Женой мы займемся завтра, соседом... соседом – немного позже, а сейчас пора «осчастливить» руководство нашей доблестной милиции.

Я достала из сумочки сотовый и набрала номер служебного телефона Кири.

– Алло? – несмотря на то что рабочий день закончился, уважаемый подполковник оказался на месте.

– Владимир Сергеевич? Добрый день. Вас беспокоит Татьяна Александровна Иванова.

– Танечка! Здравствуй, рад тебя слышать.

– Надеюсь. Володя, у меня к тебе дело.

– Как всегда. – И я услышала такой тяжкий вздох, что принять его за искренний было совершенно невозможно.

– Кто занимается делом об убийстве... – Тут я сообразила, что не знаю фамилии жертвы.

– ...убийстве Виктора – как его? – зятя «известного бизнесмена» Королева, читал сегодняшние газеты?

– А-а, Баргомистрова! Этот бизнесмен с утра всю милицию на уши поставил: вынь да положь ему убийцу.

Так, значит, решил дяденька подстраховаться: милиция – само собой, но и частный детективчик лишним не будет, а мне заливал: не верю, мол, ментам, не верю! Ну да ладно! Зато денег зарботаю.

– Алло! Таня, куда ты пропала? Слушаешь?

– Да-да, внимательно.

– Я говорю, майор Смолин...

– Что – майор Смолин?

– Ты спрашивала, кто занимается этим делом. – Кажется, Кирия немного обиделся.

– Значит, Смолин? Он молод, хорош собой?

– Ты решила его соблазнить? – подполковник хмыкнул. – Ему сорок четыре; высок, сед; имеет один существенный недостаток: верен своей второй жене.

– Дай-ка мне телефон этого майора.

Кирия назвал номер.

– Звони завтра с утра, он уже ушел.

– Спасибо тебе. Хочешь, я в качестве благодарности накормлю тебя ужином в любом ресторане, какой душа пожелает?

– Нет уж, благодарю покорно! Однажды ты уже сделала это, – Кирия рассмеялся. – После роскошного ужина возвращаться к супу из кубиков «Галина Бланка»? Ну, пока. Не пропадай, звони. – Подполковник милиции положил трубку.

– Дима, ты Смолина знаешь? – спросила я, убирая сотовый обратно в сумочку.

– Мировой мужик.

– Как его, кстати, зовут?

– Анатолий Алексеевич.

Ну что ж, поживем – увидим, что представляет собой этот майор Смолин. А сейчас пора домой... в ванную – в прохладную успокаивающую воду... И пораньше лечь спать.

15 апреля, 9 часов

Спать вчера я и в самом деле легла рано: около десяти. Почитав немного (есть замечательная «снотворная» книга – «Библейские холмы» Э. Церена: по прочтении трех страниц начинают слипаться глаза), заснула сном праведника и хорошо выспалась.

На сегодня предстоит сделать по меньшей мере два дела: познакомиться с майором Смолиным и побеседовать – если получится – с дочерью Королева.

Кроме того, необходимо постараться вызволить из тюрьмы несчастного соседа-алкоголика.

Так, с кого начнем? Королев обещал прислать машину. Машины нет – значит, начнем с майора.

Нет. Пожалуй... с легкого завтрака. И я с чистой совестью отправилась варить кофе.

9 часов 30 минут

Перед тем как позвонить Смолину, решила бросить кости. Главное в гадании, как известно, – правильно сформулировать вопрос.

Что представляет собой майор Смолин?

30 + 15 + 4.

«Ждите скорого обмана. Верьте не тому, что вам говорят, а тому, что видите». Великолепно! Следует ли думать, что Смолин – человек лживый и неприятный? Что он заведомо говорит неправду?

Как и вчера, у меня возникло нехорошее предчувствие.

Но звонить все-таки надо. Я набрала номер рабочего телефона майора.

– Смолин слушает, – сейчас же откликнулся приятный мужской голос.

– Здравствуйте, – я представилась, и меня тотчас прервали:

– Да-да, извещен. Приезжайте, я вас жду, – майор бросил трубку.

Может, у него манера такая – трубку бросать? Или я ему уже заочно не понравилась?

Кире спасибо: постарался, «известил». Это хорошо: не нужно тратить времени на рекомендации, можно будет сразу приступить к делу.

10 часов 30 минут

В кабинет майора меня провел – кто бы вы думали? – тот самый знакомый милиционер, с которым я вчера так мило общалась в квартире Баргомистрова.

Смолин встал из-за заваленного бумагами стола, вежливо, сухо поздоровался и указал рукой на кожаное кресло напротив, приглашая присесть. Извинился, пообещал «сейчас закончить» («А вы тут пока располагайтесь») и снова уткнулся в бумаги.

У меня появилась возможность внимательно его рассмотреть. «Мировой мужик», как вчера охарактеризовал майора страж Дима, – довольно интересный мужчина: седые волосы оригинально сочетаются с ярко-синими глазами; длиннющие черные ресницы – таким любая девушка позавидует, тонкий нос, красивые губы...

Я надела на встречу любимый деловой костюм с короткой юбкой, откинула полы плаща, села в кресло – юбка немедленно задралась на нужную высоту. Смолин не заметил, поглощенный своими бумажками. Положила ногу на ногу – ноль внимания.

Странный дядечка.

И тут до меня дошло, что майор исподтишка за мной наблюдает. Тогда я разозлилась.

– Извините, пожалуйста, Анатолий Алексеевич, у меня не так много времени...

Он немедленно поднял голову. Ухмыльнулся:

– У меня, как вы догадываетесь, тоже. Чем могу быть полезен?

Разве Киря не сказал? Не может быть. Наверное, Смолину захотелось со мной поиграть. Что ж, игра так игра. Жесткая и не по правилам.

«Ждите скорого обмана. Верьте не тому, что вам говорят, а тому, что видите». А вижу я... ничего хорошего я не вижу.

– Мне хотелось бы знать подробности дела об убийстве Виктора Баргомистрова.

– Смею думать, вы тоже заинтересовались этим делом?

Почему «тоже»? Разве майор не посторонний человек? Всю жизнь наивно полагала, что следователь должен быть объективным.

– Я частный детектив...

Смолин, поморщившись, махнул рукой.

– Знаю, не продолжайте. Я получил указание всячески содействовать вам в этом деле... – Он хмыкнул и ехидно прищурился. – Так вот, никакого дела на самом деле и нет, вернее, нет неразрешенных вопросов. Через несколько дней дело будет передано в суд... – Смолин улыбнулся, расслабился, сидя за столом. – Самое короткое из всех раскрытых мной преступлений... по времени, я имею в виду.

– Преступление раскрыто?

– Да, убийца сам во всем признался.

У меня мурашки побежали по телу.

– Сосед Баргомистрова? – спросила я напрямик.

Майор кивнул.

– Конечно. Вот почитайте, если интересно.

Смолин достал папку «Дело №...» и протянул мне.

Я, Голубков Василий Семенович, признаюсь, что убил своего соседа по этажу Баргомистрова Виктора Андреевича, так как должен вышеназванному Баргомистрову деньги в сумме тысячи пятисот рублей и не смогу их отдать.

Виктор Андреевич неоднократно требовал вернуть долг, но у меня таких денег никогда не водилось.

Тринадцатого апреля сего года я пришел к соседу занять денег еще. Баргомистров денег не дал, стал меня ругать. В пылу ссоры я схватил тяжелый подсвечник и ударил Виктора Андреевича сзади по голове. Удар оказался смертельным.

Увидев, что натворил, я решил избавиться от орудия убийства, то есть замести следы. Я поехал на набережную и утопил подсвечник в Волге, после чего вернулся домой и лег спать.

Прошу суд учесть, что я признался во всем добровольно, и облегчить мою участь.

Дата. Подпись

Что-то здесь не так. Слишком уж все просто получается: позавчера совершено убийство – и вот уже и убийца найден, и дело закрыто. Так не бывает.

Я еще раз перечитала «добровольное признание». Королев утверждал, что его зять давал в долг неограниченные суммы и никогда не требовал вернуть деньги в срок. Нужно уточнить.

– В квартире Баргомистрова, конечно же, были найдены отпечатки пальцев так называемого убийцы.

Смолин пожал плечами:

– Разумеется.

– А чьи еще?

– Родных – Маргариты Вадимовны, ее сестры, отца, матери – и напарника Баргомистрова, шофера.

– А почему вы не проверили алиби напарника?

– Деточка, – Смолин вышел из-за стола и навис надо мной, – убийца признался сам, и все факты против него.

– И вы даже мысли не допускаете, что Баргомистрова мог убить другой человек?

– Кто, например? Жена? Теща?

– Вы разговаривали с соседями?

– Что вы предполагали услышать от соседей? Да, был шум, крики; пришла жена – увидела труп. Убийцу никто не видел.

– Вот именно! – вставила я.

Майор проигнорировал мои слова.

– Голубкова едва добудились: делал вид, что спит и ничего не слышит.

– А если он действительно спал... и вообще ни при чем?

– Перестаньте, девушка, – отмахнулся Смолин. – Вы верите в невиновность Голубкова? У вас разработан план действий относительно поисков кого-то другого? Флаг вам в руки!

Смолин несколько раз прошелся из угла в угол, после чего застыл прямо передо мной:

– Но попомните мои слова: никого вы не найдете. Убийца арестован и понесет заслуженное наказание.

Пора заканчивать этот бесполезный разговор. Я встала.

– Еще пара вопросов, Анатолий Алексеевич, и я избавлю вас от необходимости лицезреть мою физиономию.

Майор усмехнулся и попытался на прощание быть любезным:

– Вы уж простите меня за резкий тон... Но сами понимаете – дела: я человек занятой... – Что-то сия приветливость слишком отдает сарказмом. – Всегда чем могу, помогу непременно. Обращайтесь в любое время дня и ночи.

Вот исключительно по ночам я к тебе и буду обращаться. Большое искушение: разбудить пару раз и посмотреть, что из этого выйдет. М-да...

– Вы, кажется, желаете получить еще какую-то информацию?

– Очень даже желаю. Могу я видеть арестованного?

– Нет!

Удивительно, насколько быстро человек способен измениться в лице: только что Смолин ехидно ухмылялся – и вот уже его ярко-синие глаза превратились в щелочки, правая щека задергалась. Тик у него, что ли?..

– Могу я узнать причину отказа?

– Это ваш второй вопрос?

– Промежуточный.

– И каков же второй?

Так, майор отказал мне в свидании с Голубковым безо всяких причин. Сие наводит на размышления...

– Последний вопрос звучит следующим образом (иронии Смолин не уловил): сколько вам заплатил Королев?

Нетактично, понимаю. Майор, бедненький, аж позеленел от злости.

Ответа я ждать не стала: поспешила уйти с глаз долой. На свежий воздух меня препроводил все тот же «адъютант» Дима. Попросила парня достать мне к вечеру адрес напарника Баргомистрова. Дима пообещал это сделать, когда любимое начальство – то бишь «мировой мужик» – отлучится.

До дома решила дойти пешком, чтобы было время подумать. А подумать есть о чем, милейшая Татьяна Александровна.

Голубков к убийству не причастен, это ясно. Иначе мне не отказали бы в свидании с ним, да еще так категорично. Но почему Смолин руками и ногами цепляется за несчастного алкоголика?

Стоп. А за кого же ему еще цепляться? Круг подозреваемых расширился: жена, сосед плюс напарник... и, возможно, некий тип в перчатках, не оставляющий после себя никаких следов. Незнакомого на время отбросим, ведь его нашей доблестной милиции сначала нужно будет найти – ежели он вообще существует; шофер, я думаю, может за себя постоять; жену Виктора не даст в обиду ейный папочка – остается Голубков: отпечатки пальцев есть, алиби нет. А признание из мужика выбить – пара пустяков.

Как бы с этим Василием Семеновичем поговорить – как бы до него добраться? Это первый вопрос.

Вопрос номер два: зачем Королеву нужно было покупать Смолина? Может, они давние знакомые? Тогда для чего поручать расследование убийства мне? Без меня все было бы куда проще: арестовали «божью овечку», пришили дело...

«Богатенький Буратино» со спокойной, мне кажется, душой мог сказать: вот тебе, доченька, убийца; ты знаешь его имя – теперь можешь жить спокойно и счастливо... Какой же смысл усложнять?..

Следуем далее. В квартире убитого, кроме отпечатков пальцев Голубкова, найдены «пальчики»:

а) жены Баргомистрова – это естественно,

б) сестры Риты и родителей обеих девиц, а также

в) напарника Виктора, шофера.

Необходимо узнать, как часто бывали в квартире родственники и друзья Баргомистровых и кто из оных посещал счастливую семью за последние, скажем, три дня до убийства. Странно, что милиция не потрудилась выяснить этот вопрос.

В-четвертых, нужно побеседовать с соседями. Не может быть, чтобы никто ничего не видел и не слышал. Возможно, некоторые детали, утаенные от следователя, поскольку предубеждение против милиции в народе велико, станут известны мне. Тем более что следователь не слишком перегружал свои мозги «проникновением» в суть дела.

...Я поймала себя на мысли, что давно уже топчусь на одном месте... да еще, кажется, жестикулирую и строю рожи. И топчусь-то – мама родная! – в луже! Мои ботиночки!

Прохожие, придерживая сумки, благоразумно обходят меня стороной. Спасибо, люди, что еще никто не догадался вызвать «Скорую»! Я выбралась из лужи и чуть ли не бегом постаралась уйти как можно дальше от заклятого места.

11 часов 52 минуты

Благополучно, без приключений, добралась до родимых пенатов. Только очень захотелось есть. Мне вообще в последнее время постоянно хочется есть. С чего бы вдруг?

А вот обед готовить – ну ни малейшего желания! Не люблю я сей скорбный труд. Идти куда-нибудь уже поздно: скоро подъедет королевский автомобильчик. Что нам остается? Сварить кофе. Я вздохнула – весь день на кофе!

12 часов 25 минут

Мое столь приятное занятие – поглощение божественного напитка – очень «вовремя» прервал телефонный звонок.

– Татьяна Александровна? – услышала я голос Королева.

– Да, здравствуйте.

– Вы дома?

Хороший вопрос. Нет, меня нет дома.

– Разумеется. Я жду вашу машину, как договаривались.

– Машина подъедет минут через десять. Значит, я вас встречаю в... где-нибудь без пяти-надцати час?

– Непременно буду.

Видимо, отказываться от моих услуг – я ожидала и такого оборота дела – «известный бизнесмен» не собирается. С одной стороны, это хорошо для меня, но с другой – что все-таки нужно Королеву? Ведь согласно официальной версии убийца найден.

– Только... Татьяна Александровна, вы слышите меня? Пожалуйста, будьте с Ритой поделкатнее: она очень ранимая, а тут такая утрата... Рита все время плачет...

– Конечно, конечно! Я постараюсь ничем не ранить ее...

– Да-да... Пожалуйста.

– ...но, сами понимаете, вашей дочери придется ответить на некоторые вопросы...

– Но вы уж – прошу вас...

Я снова обещала «постараться» и сим закончила наш содержательный разговор.

...Кофе тем временем безнадежно остыл, а времени до прихода машины оставалось только на то, чтобы бросить кости.

Ходить мне голодной до самого вечера... «Ох да тяжела судьбинушка Танюши...»

Я вынула из мешочка свои заветные – и на удачу!

15 + 25 + 12.

«Ваши дети должны вырасти крепкими и здоровыми. Скорее всего, их ждет неплохая карьера».

Вот те на! А я-то думаю, что мне все время есть хочется! «И зачала она от Духа Святаго...» (ой, не надо, это уже кошунство).

Вероятно, я должна радоваться, что моих крепких и здоровых детей ждет успешная карьера. Только мне сейчас больше нужны не крепкие дети, а крепкие нервы – для беседы с мадам Баргомистровой.

Видимо, эта женщина очень любила своего мужа. «У попа была собака, он ее любил...» А потом – убил. «Любила – убила, убила – любила...» Что за глупая рифма лезет в голову?

Нужно будет проверить алиби этой самой Риты, если оно вообще существует.

...А вот и машина!

12 часов 45 минут

Вышла из лифта – и передо мной сейчас же распахнулась дверь королевской квартиры. Открыл хозяин: хмурый, встревоженный, но безукоризненно одетый.

У Королева в холле настенные часы; глянула мельком – без пятнадцати час. Надо же, тютелька в тютельку!

– Проходите в комнату. – Вадим Сергеевич указал рукой, в какую именно. – Рита вас ждет.

Рита – в кресле – цвет лица совершенно сливается с бледными обоями за ее спиной; неподвижная, замороженная какая-то, с остановившимся взглядом. Только слезы непрерывно текут по щекам.

– Здравствуйте, – я присела на краешек кресла напротив. – Как мне лучше вас называть? Женщина молча махнула рукой: мол, все равно!

Если она и старше меня, то года на два, не больше. В счастливую пору, скорее всего, была ухоженная, веселая. Сейчас каштановые волосы больше напоминают паклю, чем предмет женской гордости. Уголки губ скорбно опущены... Дочь Королева в таком виде скорее страшна, чем красива. Горе никого не красит...

– Рита – можно просто Рита? Знаете, мне необходимо с вами поговорить, – осторожно начала я.

Она кивнула.

– Пожалуйста, возьмите себя в руки и попробуйте связно рассказать, что вы увидели в своей квартире тринадцатого числа.

Мой призыв возымел обратное действие: у Маргариты началась истерика. И вокруг сейчас же забегали неизвестно откуда взявшиеся люди со стаканами воды, с нашатырем, одеколоном, уксусом и чем-то еще. Пару раз споткнулись о мои ноги, хотя я уж и так поджала их насколько могла, но, по-моему, они даже не заметили этого.

Господа, кто-нибудь хоть раз ощущал себя предметом мебели? Чувство – прямо скажу – не из приятных. Эдакая никчемная моргающая статуэтка в деловом костюме с короткой юбкой.

Однако любая ситуация имеет как плохие, так и хорошие стороны. Пока меня откровенно игнорировали, я получила возможность рассмотреть хлопочущих вокруг Баргомистровой родственников. Ну, с главой семьи я уже имела счастье свести знакомство. А эта матрона в пестром халате – нет слов, красива, но какая-то утомленная, измученная, – видимо, жена Королева. А растрепанная голубоглазая блондинка, вызывающе покрашенная, – скорее всего, младшая дочь. С ней я позже тоже должна поговорить... больше для очистки совести. Пару раз со склянкой в руках промелькнула какая-то бледная моль; судя по одежде, нянька или домработница. С особой сей тоже не мешает побеседовать: эти скромницы, не имеющие возраста, обычно видят и знают гораздо больше, чем им полагается видеть и знать. В уголке, тихонько прошлепав в комнату во время суматохи, замерли, держась за руки, две крохотные белокурые близняшки в одинаковых коротких платицах. Наверное, дочери Баргомистровых. Хаврошечки, испуганно тараща огромные голубые глазенки, уже собирались дружно зареветь, но их вовремя заметила бледная моль: подхватив обеих на руки, она выпорхнула из комнаты и больше не появлялась.

Минут через двадцать с помощью лекарств и ласковых уговоров Рита наконец пришла в себя. Она заморгала, закивала и замахала руками, утверждая, что ей уже лучше и что такое больше не повторится. Мать облегченно вздохнула, погладила ее по голове и, извинившись, вышла вместе с мужем, дабы нам не мешать.

Младшая сестрица, напротив, попросила разрешения остаться. Я не отказала, но почему-то эта девица при ближайшем рассмотрении вызвала у меня глухое раздражение. В принципе в ней не было ничего особенного: девушка как девушка; может, не в меру покрашена, экстрава-

гантно, с моей точки зрения, одета, но современная молодежь словно вся из инкубатора: одинаковые прически, одинаковая одежда... Просто девочка не нашла еще свой стиль... И все-таки чем-то она была мне неприятна.

Но это уже, как говорится, – личное. Не следует поддаваться эмоциям. Тем более что, удобно устроившись с ногами на диване, она, кажется, не собирались нам мешать.

А я тем временем продолжаю изображать манекен: молчу, опасаясь повторения истерики.

Однако Рита заговорила первой и, на удивление, спокойно:

– Я была в парикмахерской – у нас в доме внизу парикмахерская, – делала прическу. Мы собирались вечером в театр... Олю и Таню еще накануне отвезли сюда, к родителям...

– В какое время вы вошли в парикмахерскую и когда вышли оттуда?

– Время? Я была там примерно с час... Где-нибудь минут десять восьмого пришла домой... значит, часов в шесть – в седьмом вошла туда.

– А где вы были до парикмахерской?

– Прошлась по магазинам...

– Вы можете это доказать? Простите, я спрашиваю не из недоверия к вашим словам. У вас должно быть алиби.

– Я могу доказать, – подала голос сестра Риты. – В пять или около того мы столкнулись в дверях «Чародейки». Поболтали. Потом я пошла домой, а Рита – в очередной магазин.

– Да-да, Ксюша права, – подхватила молодая женщина. – Мы встретились в «Чародейке» – мне нужны были кружева, – потом я зашла в «Искусство», затем в «Подарки», затем... А после встретила Володю, Витиного напарника, и он угостил меня кофе с пирожными. А потом была парикмахерская.

– Значит, между пятью и шестью вы общались с напарником вашего мужа – как, кстати, его зовут?

– Володя, Владимир Александрович Гришин. Вы не думайте на него, Володя славный человек, добрый, чуткий. Он был лучшим другом Вити... Звонил уже... спрашивал, не нужна ли помощь... – У Риты задрожали губы.

Чтобы дать ей время взять себя в руки, я повернулась к младшей сестре.

– Ну а вы, сударыня, – где вы были после встречи с Маргаритой Вадимовной?

Ксения пожала плечом. Ответила надменно (эта девчонка еще смеет разговаривать со мной в таком тоне!):

– Я же сказала: пошла домой. Пешком. По дороге никого из знакомых не встретила; дома была без десяти семь. Вечер провела с родителями, тихо и мирно. Вернее, провела бы... Но часов в восемь позвонили Ритины соседи, сообщили о... случившемся. Отец сразу поехал туда, привез Риту. Ну и... вот...

– Рита, скажите, когда вы вошли в свою квартиру, как вам показалось: все ли предметы стояли на своих местах?

Женщина чуть улыбнулась:

– Вы имеете в виду канделябр? Папа говорил, он пропал. Но я не знаю... Когда открыла дверь, стояла такая странная тишина... Витя не вышел встречать... А потом в комнате... Я не могу, не могу так больше! Я все время вижу его голову и кровь вокруг!.. – Рита опять разрыдалась.

– А вы полагаете, что Виктора... что – как это? – орудием... был канделябр? – зло спросила Ксения.

Судя по тону, похоже, я тоже ей не приглянулась.

– Полагаю, да. Если, конечно, преступник не принес орудие убийства с собой. – Тут меня посетила удачная мысль: а почему бы не узнать, что сестры думают об официальной версии убийства?

– Вы, конечно, уже слышали, что преступник арестован, – начала я.

Ксения сморщилась, как от оскомины; Маргарита, смахнув со щеки слезу, покачала головой.

– Слышали, – тихо произнесла старшая сестра. – Только Василий Семенович не мог убить. Он и мухи не обидит, напрасно его арестовали. Понимаете, я думаю... я надеюсь, мне будет легче... когда вы найдете настоящего убийцу... когда он будет наказан... – Рита всхлипнула и судорожно сжала руки.

Ксения подбежала, обняла, стала что-то шептать ей, утешая. Затем повернулась ко мне:

– Смолин звонил нам. Этот алкаш вроде взял всю вину на себя, что-то там подписал... У него наверняка выбили это признание! Отец не верит, да и мы тоже. Просто искать не хотят. А с Василия что взять – алкаш, он и есть алкаш. Испугался...

Как у этой девчонки все просто получается! Тот ленив, этот напуган до полусмерти... Хотя, впрочем, тут она права. Ведь и я считаю, что проще повесить вину на несчастного алко-голика, чем искать настоящего убийцу.

И все-таки странное предубеждение сложилось у меня против Ксении. Может, тому виной ее взгляд – тяжелый, исподлюбья? Или что-то еще? Есть в ней какая-то звериная настороженность. Интересно, она со всеми так держится или только со мной?

Мои размышления прервала бледная моль, с подносом в руках бесшумно проскользнувшая в комнату. На подносе стояли кофейник, молочник, чашки и вазочка с печеньем. Мой бедный голодный желудок довольно заурчал. Фу, неудобно получилось: я заметила, как Ксения, принимая у домработницы поднос, отвернулась, чтобы скрыть улыбку. С той же торжествующе-ехидной усмешечкой девушка принялась разливать по чашкам кофе.

Я поинтересовалась, как зовут эту болезненного вида безмолвную особу, что принесла нам «напиток богов».

– Настя, – ответила Маргарита. – Мы зовем ее просто Настя.

– Анастасия Белова, – вставила младшая сестра. – Ей очень идет ее фамилия, правда? Действительно, идет.

– Она помогает маме по хозяйству и присматривает за девочками, – продолжила Рита.

– ...и при этом вечно сует нос не в свои дела! – раздраженно перебила сестру Ксения.

Так я и думала! Обязательно надо побеседовать с этой Настей. Но – наедине.

А сейчас, пожалуй, пора откланяться. Вот только допью кофе.

Я попросила разрешения еще раз – если понадобится – встретиться с Маргаритой и перед уходом оставила Насте свой телефон, как говорится, на всякий случай.

Однако меня ждал сюрприз: на время расследования Королев предоставил в мое распоряжение одну из своих машин вместе с шофером – веселым лихачом Мишей. Стоит ли говорить, как я обрадовалась.

Пообещав известному бизнесмену держать его в курсе всех новостей, я распрощалась с этим суетливым семейством.

15 часов 18 минут

– Ну-с, Татьяна Александровна, куда едем? – Миша театральным жестом положил руки на руль.

– Вперед! – Я поерзала, поудобней устраиваясь на заднем сиденье.

Между прочим, вполне определенный ответ: узкая дорога меж домов позволяла ехать только прямо.

Машина легко тронулась с места.

– Миша, у нас сегодня напряженный график. Сначала меня следует доставить в парикмахерскую, ту, что в доме Маргариты Вадимовны; затем проводить по магазинам, потом снова привезти к дому Баргомистровых, и уже совсем-совсем вечером, в полной темноте, потому что раньше не успеем, подбросить поближе к родным пенатам.

У шофера вытянулось лицо. Я решила, что Миша недоволен обещанным «напряженным графиком», оказалось – ничего подобного! Парень, видно, открытый, а посему о причине разочарования выпалил сразу же:

– Я-то думал, что супердетективы не занимаются глупостями вроде парикмахерских и ходьбы по магазинам!

«Супердетектив» мне, конечно, польстил. Пришлось, однако, объяснить, что и оные «хочут кушать» не меньше простых смертных. А уж выглядеть всегда красивой женщина-детектив просто обязана.

– К тому же в парикмахерскую и по магазинам мы едем, что называется, по работе: нужно проверить алиби Маргариты Вадимовны.

Кажется, мой исчерпывающий ответ водителя удовлетворил.

– А кстати, Миша, что вы сами думаете по поводу этого убийства?

– Ничего, – Миша даже плечами пожал для убедительности. – Жалко мужика. Я, правда, не знал его, но все равно жалко. Маргарита Вадимовна, как ни зайду в дом, все время в слезах.

– Они были счастливы? – спросила я больше для проформы.

– Думаю, да. Ксюха, правда, мешала им немного – ревновала, что ли, – но, в общем, счастливы.

– Ревновала?!

– Ну... я не так выразился. Она несчастная, эта Ксюха: вечно ей в любви не везло, все какие-то подлецы попадались. А тут – счастье сестры рядом: любящий муж, двое детишек.

Вот оно как все оборачивается. Зависть-матушка – это вам не шутки. Но от зависти канделябрами не убивают. Запутанная история...

– Миша, как, по-вашему, сестры дружны между собой?

– Да! – уверенно ответил шофер. – Они часто встречались, в гости вместе ходили. Ксюха с девочками любит повозиться; к Маргарите Вадимовне все время ездила, помогала... И сейчас опекает сестру как может...

У меня зародилось подозрение, что это все – Ксюха да Ксюха...

– Миша, простите за некорректный вопрос: вам нравится сестра Риты?

– Я люблю ее, – просто ответил мой возница.

В неловкое положение я попала.

– Извините...

Миша, как молодой бычок, помотал головой.

– Да ерунда это все, Татьяна Александровна! Она меня не любит – вот что главное...

Мне захотелось сменить тему разговора. Проклятое любопытство! Что стоило промолчать – не причинила бы боль хорошему человеку. Вот идиотка!

Ругая себя последними словами, я мучительно пыталась придумать, что бы такое сказать посмешнее, чтобы развеселить Мишу и загладить свою вину. И, как назло, не могла вспомнить ничего, заслуживающего внимания.

– Приехали! – Миша остановил машину возле парикмахерского салона в доме моей подзащитной.

– Спасибо. – И это все, что пришло мне в голову после десяти минут словесного воздержания.

В парикмахерской я пробыла недолго. По фотографии, которую дала мне Рита, ее сразу же узнали: постоянная клиентка. Оказалось, тринадцатого в шесть она действительно делала здесь прическу: это зарегистрировано в журнале.

Я поблагодарила словоохотливых сотрудниц и вышла из салона.

Что, если немного изменить планы? Поднимусь-ка я на шестой этаж и побеседую с соседями Баргомистровых, а уже потом Миша проводит меня по магазинам. До закрытия время еще есть...

Честно говоря, мне все еще было неловко перед добрым возницей и не очень-то хотелось снова по-дурацки молчать в машине.

Значит, решено. Как написал бы какой-нибудь классик: «Татьяна Александровна Иванова направила стопы свои к первому подъезду». Правда, в то время, когда творили эти самые классики, архитекторы не додумались еще до одиннадцатизэтажных коробок. И нумерации парадных тоже не существовало.

А вот соседи во все времена были, есть и будут... От подъездов – к соседям. Кажется, сие именуется женской логикой. Да здравствуют благословенные соседи! Особенно те, которые подглядывают за чужой жизнью в замочную скважину, все видят и слышат. А то, что сокрыто от их бдительного ока, «додумывают» и приукрашивают в меру своей фантазии.

...Сложилось впечатление, что меня давно ждали, причем с нетерпением. Не успела позвонить, как дверь распахнулась, и на пороге возникла пухленькая маленькая старушка в переднике.

– Добрый день, – степенно поздоровалась она и затараторила, не дав мне и рта раскрыть: – Вы к нам? Меня Настасья Игнатьевна зовут, соседка я ближайшая того... убитого-то. Тут все ходят и ходят, смотрят всякие. Из милиции все. Ты, милая, тоже из милиции? Чую, оттедова. А почто ж вы Ваську-то, соседа, забрали? Он ведь и мухи не обидит, не то что человека убить. Ну и что же, что должен много – а кому он не должен? Мне вот тоже... Да как отказать: больной человек; ему на похмелье надо, а то помрет, и буду после винить себя: пожалела денег, старая, человека угробила... Так нельзя. С соседями в мире жить надо, голубушка; где ты кому поможешь, где – тебе...

– Настасья Игнатьевна, – решила я прервать болтливую старушку, – мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– Задавай, милая, задавай! – закивала она. – Ой, да что ж я на пороге-то держу тебя, дура старая! – Последнее выражение относилось, кажется, не ко мне. Хотя бы потому, что я еще молода. – Проходи в залу. Да не скидавай обувку-то, так иди! Счас чаек сделаем; голодная небось? – Можно подумать, в эту дверь стучатся все голодающие Поволжья и гостеприимная хозяйка вменила себе в обязанность их кормить. – Счас, счас. Дед, поставь чайник: гости у нас! – крикнула старушка в сторону кухни и подтолкнула меня к «залу». – Садись вон на диван, спрашивай. Ваших тут уже много приходило, и все что-нибудь да спрашивали. Да погоди!

Мама родная! За ее болтовней, пожалуй, забудешь, зачем пришла!

– Жениха-то позови своего. (Кого?!). Чего он, родимый, в машине мается. Тоже небось кушать хочет.

Она Мишу имеет в виду.

– Позови, позови! Вон на балкон выйди да крикни. Не стесняйся. Не след женихов в машинах оставлять по нонешним-то временам. Уведут, как пить дать – уведут. И машину прихватют. Я вот деда своего – даром что пятерых родили – ни разу одного не бросала.

Нет, эта бабуська не отстанет, пока не добьется своего!

– Поди позови! Чего застеснялась-то? Чай, я все равно уж все видала: и как подъехали, и как ты в палихмахерскую побежала...

Я вздохнула и вышла на балкон в надежде, что появление Миши удержит старушку от новых ненужных монологов.

Но не тут-то было! Прежде всего от Анастасии Игнатьевны не ускользнуло, что мы с шофером на «вы». Хорошо еще, он при ней не назвал меня Татьяной Александровной.

– Ишь, как это вы друг дружку – как в прежние времена, надо ведь! Раньше только жених с невестой друг дружку на «вы» величали, счас-то «тыкают» все... А у вас пара-то прямо какая-то... цельномудренняя получается!..

Миша удивленно посмотрел на меня. Я за спиной старушки знаками попыталась объяснить ему, чтобы не возражал.

– Ну вот и чаек готов! – такими словами Анастасия Игнатьевна встретила своего мужа.

Худощавый белоголовый старичок принес чай и – на большом блюде – ароматный, аппетитный пирог.

Я стала отказываться от угощения – всего только час назад пила кофе у Королевых, – Миша, напротив, подсел поближе к столу, что выглядело вполне естественно: его-то час назад кофе не поили. Хозяйка от души удивилась:

– Милая, да неужто ты такие пироги каждый день ешь, чтоб отказываться?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.